

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

«У ВАС есть все для истинного писателя... Вы великим и полностью наш советский писатель... Но есть одна опасность — в этой повести — все люди хорошие. Оцениваю повесть на «отлично», делая скидку на молодость автора». Так отозвался в свое время Константин Паустовский о дипломном сочинении студента Литературного института, ныне известного азербайджанского прозаика Исы Гусейнова. Несколькими годами позднее Александр Фадеев назовет его повесть «Наши девушки» и «Утренняя звезда» в ряду произведений, которые «отличаются правильным изображением колхозной жизни, не замалчивают трудностей...».

Да, повесть «Утренняя звезда», при всей своей романтичности, уже не вызывает упрека в бесконфликтности. В ней, этой повести, есть тетушка Эсер, в характере которой — энергия активного неприятия порока. Вспомним, например, как Эсер наносит тяжкий удар шкурнику Шамистану, не позволив ему нести гроб с телом мужа, заслужившего у колхозников славу бескорыстного рыцаря труда.

Позже в произведениях писателя появляется целая галерея героев, прошедших суровые испытания: парторганизатор Сamed Амирли, журналист Зелимхан, кузнец Исфендияр, фельдшер Хаджи, лесничий Коллу Коха...

Одно время некоторые критики упрекали И. Гусейнова в недостаточной активности его положительных персонажей. При этом имелся в виду прежде всего Сamed Амирли, герой романа И. Гусейнова «Пламенное сердце». Вернувшись в деревню после окончания партшколы, Сamed попадает в водоворот событий, связанных с острейшим

нравственным конфликтом. Дядя его, Султан Амирли, один из районных руководителей, предстает перед Самедом как человек с недоброй славой деспота и самодура, потерявшего контакт с народом. И в завершение всего — весть о женитьбе седовласого Султана на юной Гюльгяз, невесте Самеда... Роман «Пламенное сердце» основательно перерабатывался. В новых вариантах страдания

юноши еще мучительнее, еще глубже. Писатель желает своему герою большой душевной силы, но в то же время понимает, что, только пройдя через суровые испытания, Сamed обретет необходимые ему волевые качества.

Этими важными качествами души и характера обладают герои других произведений писателя, написанных позднее. Так, например, читая повесть «Звуки свирели» и «Саз», понимаешь, что в «пятнадцатилетних мужичках» сурового военного лихолетья И. Гусейнов ищет нравственную закуску характеров своих персонажей, которые живут уже в послевоенные годы.

Характер молодого журналиста Зелимхана, героя повести «Телеграмма», активно проявляется в его отношении к природе. Гибель сказочной дубовой рощи, где обитали необыкновенные светлорылые голуби, Зелимхан переживает как личную трагедию, подобно тому, как вос-

принималось юным героем Чингиза Айтматова убийство легендарной оленихи... Человек нежнейшей, едва ли не хрупкой души, Зелимхан, однако, проникается железной решимостью действовать. Осознание необходимости бескомпромиссной борьбы с теми, кто не бережет и даже губит родную природу, пробуждает в герое небывалую прежде активность.

И вот что, между прочим, примечательно. В «Телеграмме» упоминается опять все тот же «Султан Амирли»: на сей раз он «отличился» хищническим истреблением леса,

временных торможений воли до выпших проявлений ее силы.

Отсюда, как мне представляется, и «неожиданные», типично новеллистические концовки повестей. Герой, оказавшись перед нравственной дилеммой, делает, казалось бы, непредвиденный, но, как выясняется, единственно возможный для него выбор. Так, например, в финале повести «Звуки свирели» юные Нури и Таптык, сникшие было под впечатлением всяческих успокоительных сентенций, вдруг снова проявляют непримиримость к отчиму

едва выдерживающие те эмоциональные нагрузки, которые выпадают на их долю, — обнаруживают в конечном счете сильную, волевою свою основу. Объективные процессы социального развития определяют, как правило, логику движения характеров в произведениях И. Гусейнова. При этом чувствуется, что писателю очень дороги прочность, незыблемость наших высоких нравственных идеалов.

В повести «Сухая ветвь» мы вновь встречаемся с героем, уже знакомым нам по «Звукам свирели». Это Нури,

В нынешнем творчестве И. Гусейнова ощущается также повышенный интерес к неустаревающей теме нравственной эстафеты поколений. В этом русле писателем создаются сценарии фильмов на исторические и историко-революционные темы («Звезды не гаснут», «Насими», «26 бакинских комиссаров»). Они логически продолжают прозу И. Гусейнова. Герои военных и послевоенных лет, «пламенные сердца» — Сamed Амирли, Рашид, Таптык, Нури и другие — словно бы вглядываются в образы героев революции, как в свой нравственно-генетический исток.

В первой же части романа «Насими», как и в сценарии одноименного фильма, чувствуется смелая попытка автора заглянуть в далекое средневековье с позиций своего, нынешнего времени. И со страниц романа, словно наш современник, сходит великий азербайджанский поэт, заkleмивший тиранию и войну, восславивший человека-творца.

Обращение то к мирным, то к военным годам, «переклички» юности и зрелости героев, ретроспекции — многое у И. Гусейнова говорит о его сосредоточенности на мысли: испытание характера войной — великое испытание, но испытание миром — не меньшее; при испытании характера героя на меру надежности не должно быть никаких оговорок, никаких скидок на те или иные трудности, особые обстоятельства. Такова одна из основных мыслей, пронизывающих все творчество этого писателя.

Испытание героев на активность гражданской позиции, на стойкость в борьбе за светлые идеалы нашей жизни придает произведениям Исы Гусейнова, писателя талантливого и самобытного, особую актуальность, острое современное звучание.

Вал. БОГУСЛАВСКИЙ

БАКУ

ИСПЫТАНИЕ ХАРАКТЕРА

Итак, перед нами, судя по всему, сквозной отрицательный персонаж двух произведений — созданных в разное время и тематически вроде бы несхожих. И неприятие «деяний» Султана весьма различными главными героями этих двух разных произведений — тоже совпадение не случайное: здесь проявилась авторская позиция.

Пламенность души и чистота устремлений роднят между собой ряд позитивных образов в прозе И. Гусейнова. А их сердечная открытость и отзывчивость, их острая впечатлительность подвергаются порой испытаниям настолько серьезным, что это, видимо, побуждает писателя как бы раздвигать время действия: от настоящего возвращаться к прошлому, из прошлого снова ити к настоящему, более того — заглядывать в будущее. Это очень важно для понимания сущности характера ведущего лирического героя, подверженного закономерным метаморфозам — от юношеской мягкости и обостренной чувствительности до непреклонной твердости характера, от

Таптыка, человеку жестокому, вошедшему в дом солдатской вдовы, не дав даже высохнуть ее слезам, оскорбившему память воина... Сильны, на первый взгляд, почти неотразимы веские доводы благоразумного аскака, предостерегающего подростков от крайностей, ссылающегося на некие якобы смягчающие вину отчима обстоятельства военного времени. Но как раз те же обстоятельства трудных военных лет, характеризующихся особой остротой представлений о долге и чести, максималистской требовательностью к людям, именно те обстоятельства и подталкивают юных героев к единственно верному выводу: при всех житейских сложностях и противоречиях существуют — особенно в дни войны! — четкие нравственные критерии, не допускающие никаких скидок для какой бы то ни было неправды.

И. Гусейнов — писатель неожиданных психологических открытий. Его герои — сплошь и рядом натуры весьма чувствительные, вроде бы

Встречаемся мы с ним и... не узнаем его. Уже тридцатилетний, он утерял свой былой юношеский максимализм. Нури, похоже, благодумствует, глядя сквозь пальцы на орудуемого у него под боком проходима (завхоз школы, где Нури ныне директором). В чем же дело, что произошло с героем? А дело в том, что сама доброжелательная атмосфера наступившего долгожданного мира, дух всеобщей приветливости располагали многих людей к этакому великодушию, даже к чрезмерной терпимости. В результате же получалось не столько великодушие, сколько благодушие. Все это, разумеется, безынтересно для художественного исследования. Но автор, мне кажется, изображает здесь психологическую метаморфозу Нури как «чистую» неожиданность, словно бы порожденную неким таинственным, чуть ли не подсознательным началом. Обычно крепкая и точная у И. Гусейнова художественная логика развития характера на сей раз, пожалуй, дает трещинку...